

18+

Михаил Мясников

Инженер из будущего

Михаил Мясников

Инженер из будущего

«Издательские решения»

Мясников М.

Инженер из будущего / М. Мясников — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В 1932 году, в разгар японской агрессии, русский военный инженер из будущего таинственным образом оказывается в теле китайского генерала. Обладая уникальными знаниями и опытом, он быстро адаптируется к новой реальности и начинает менять ход истории. Используя свои навыки, он становится не только выдающимся полководцем, но и дальновидным политиком, который сближает Китай с Советским Союзом.

© Мясников М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Инженер из будущего

Михаил Мясников

© Михаил Мясников, 2026

ISBN 978-5-0070-6632-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В 2023 году Алексей, опытный военный инженер, работал над проектом по модернизации систем связи для российской армии. Он был погружен в свои расчеты, когда внезапно его окружила яркая вспышка света. В следующее мгновение он ощутил, как его сознание словно разрывается на части, и вот он уже не в своем кабинете, а в совершенно ином месте.

Алексей открыл глаза и увидел, что находится в роскошной комнате, обставленной в восточном стиле. На стенах висели традиционные китайские картины, а в воздухе витал аромат благовоний. Он попытался встать, но его тело ощущалось странно — как будто оно не принадлежало ему. С трудом поднявшись, Алексей подошел к зеркалу и замер в ужасе: на него смотрел незнакомый человек с азиатскими чертами лица, одетый в военную форму с генеральскими знаками отличия.

«Что произошло? Где я?» — пронеслось в его голове. Он быстро начал осознать, что оказался в теле китайского генерала в 1932 году. Вокруг него бушевали беспорядки, и он слышал звуки выстрелов и крики на улице. Алексей понял, что попал в критический момент истории — время японской агрессии против Китая.

С каждым мгновением он все больше осознавал серьезность ситуации. Алексей знал, что его знания о военной стратегии и технологиях могут изменить ход событий. Он вспомнил о своих проектах, о том, как можно было бы улучшить связь и координацию между войсками. В его голове начали формироваться идеи о том, как использовать свои навыки для помощи Китаю в борьбе с японскими захватчиками.

Снаружи доносились звуки выстрелов и крики, и Алексей понимал, что времени на раздумья нет. Он должен был действовать. С решимостью в сердце он подошел к окну и взглянул на улицу, где разворачивалась настоящая драма. Генерал, в чьем теле он оказался, был важной фигурой, и Алексей чувствовал, что на его плечи легла огромная ответственность.

«Я должен использовать свои знания, чтобы помочь этому народу», — подумал он. С каждым мгновением он все больше осознавал, что его новое положение — это не просто случайность, а возможность изменить ход истории. Алексей знал, что впереди его ждут множество трудностей и тонкостей общения с местными военными и политиками, но он был готов к этому вызову.

Первые мгновения после осознания были не паникой, а ледяным, парализующим stupором. Алексей, привыкший к логике, расчетам и законам физики, столкнулся с явлением, которое не укладывалось ни в одну из его моделей мира. Это было не просто перемещение в пространстве. Это было насилие над самой сутью его «я». Чувство было сродни тому, как если бы его душу выдернули из привычной оболочки и насильно впихнули в чужую, холодную и непривычную броню. Он испытал глубочайший диссонанс: его разум, его память, его личность остались прежними, но рецепторы тела кричали об ином.

Он чувствовал вес чужого тела — чуть более грузного, с другой мышечной памятью. Сердце билось иначе. Вдох наполнял легкие воздухом с непривычным ароматом курительных палочек и старой древесины. Он поднял руки — они были чужими. Пальцы, привыкшие к клавиатуре и чертежным инструментам, теперь ощущали грубую ткань дорогого шелка и тяжесть массивных перстней на пальцах. Это было ощущение тотальной, абсолютной потери себя. Первобытный ужас сменился холодной, инженерной констатацией факта: «Я — это по-прежнему я, но я — это не я». Это был шок не столько эмоциональный, сколько экзистенциальный.

Подойдя к зеркалу, он не увидел своего отражения. На него смотрел суровый китайский генерал лет пятидесяти, с глубокими морщинами на лбу и пронзительным взглядом человека, привыкшего отдавать приказы. Алексей медленно поднял руку, и человек в зеркале синхронно

повторил движение. Это простое действие вызвало новый прилив тошнотворного головокружения. Первые мысли были не о спасении мира, а о попытке сохранить рассудок.

«Чье это лицо? Чьи это шрамы?» — пронеслось в голове. Он пытался найти в чужих чертах хоть что-то знакомое, но видел лишь усталость и следы былых битв.

«Как его звали? Что он за человек?» — вопросы сыпались один за другим. Он был не просто в чужом теле, он оказался в чужой жизни, с чужой историей, чужими врагами и, возможно, чужими привязанностями.

«Я должен узнать его имя. Я должен узнать всё». Профессиональный склад ума взял верх над паникой. Чтобы выжить, ему нужно было стать этим человеком. Нужно было изучить его привычки, его манеру речи, его окружение. Любая ошибка, любой неверный жест выдадут его с головой.

И именно в этот момент, когда он пытался собрать воедино расколотое сознание, сквозь толстые стены резиденции до него донеслись звуки внешнего мира. Это были не просто уличные шумы. Это был глухой рокот артиллерийской канонады, треск пулеметных очередей и многоголосый гул огромной толпы. Алексей подошел к окну и отодвинул тяжелую парчовую занавеску.

Внизу простирался Шанхай. Но это был не тот мегаполис из XXI века, который он видел на фотографиях. Город был охвачен огнем и хаосом. В порту виднелись силуэты японских военных кораблей, а улицы были запружены солдатами и беженцами. Январское Шанхайское сражение 1932 года было в самом разгаре.

Осознание этого факта ударило по нему сильнее, чем само перемещение. Он попал не просто в прошлое. Он попал в **критический момент истории**. В эпицентр первого крупного военного конфликта XX века на азиатском театре боевых действий. Его знания о тактике, фортификации, связи и логистике — знания из будущего — здесь были не просто информацией. Они были абсолютным оружием. Но чтобы применить это оружие, ему предстояло самое сложное: выжить в этом чужом теле и завоевать доверие людей этого времени, которые видят в нем лишь своего генерала. Игра началась на доске с совершенно иными правилами.

Первым делом Алексей заставил себя действовать. Паника и экзистенциальный ужас были роскошью, которую он не мог себе позволить. Он — инженер, а значит, любую сложную систему, даже такую как «попадание в чужое тело в 1932 году», нужно было проанализировать и найти точку приложения силы. Его личная катастрофа подождет. Прямо сейчас за окном его резиденции в Шанхае гибли люди.

Он отошел от окна и начал методично изучать окружение. Память тела, или, как он это для себя назвал, «наследственная память», начала подавать первые сигналы. Он знал, где находится сейф с документами, помнил расположение войск и, что самое важное, знал имена своих ближайших соратников и адъютантов. Это было похоже на чтение чужой, плохо структурированной базы данных. Он не знал, *как* относиться к этим людям, но знал, *кто* они.

В дверь осторожно постучали. Алексей на мгновение замер, собирая волю в кулак. Он не мог позволить себе ни секунды слабости.

— Войдите, — голос генерала был хриплым и властным. Алексей мысленно поблагодарил неизвестного ему носителя за такой полезный инструмент.

В кабинет вошел молодой офицер в чине капитана. Он был бледен, но старался держаться прямо. — Господин генерал! Докладываю: японцы начали массированный обстрел Северного вокзала. Наши части несут тяжелые потери. Полковник Ван просит подкреплений.

Алексей смотрел на офицера. Парень был напуган до смерти, но пришел за приказом к нему. Не к кому-то из старших офицеров в штабе, а к нему. Это был первый тест.

— Капитан Ли, — медленно произнес Алексей, выуживая имя из чужой памяти. — Присядьте. И перестаньте дрожать. Вы здесь, чтобы передать информацию, а не чтобы умереть от страха.

Тон был резким, но не уничижительным. Капитан вздрогнул и выпрямился еще сильнее, его взгляд стал более осмысленным. — Слушаюсь, господин генерал.

Алексей встал из-за стола и подошел к огромной карте Шанхая, разложенной на специальном столе. Его палец безошибочно нашел Северный вокзал. — Передайте полковнику Вану следующее: подкреплений не будет. Если он бросит резервы в лобовую атаку на вокзал, он их потеряет. Японцы этого и ждут. Пусть отходит на подготовленные позиции вот здесь, — он ткнул пальцем в район узких улочек и складов в полукилометре от вокзала. — Пусть закрепляется и ведет беспокоящий огонь. Наша цель сейчас — не удержать вокзал любой ценой, а измотать их пехоту и выявить огневые точки их артиллерии.

Офицер смотрел на него с изумлением. План был... странным. Непривычным. Отступление вместо атаки? Но в голосе генерала звучала такая непоколебимая уверенность, что капитан не посмел спорить. — Это... это гениально, господин генерал! Я передам приказ немедленно!

Когда капитан вышел, Алексей позволил себе на секунду прикрыть глаза. Первый шаг сделан. Он не просто отдал приказ — он применил тактику XXI века: мобильная оборона, использование городской среды для нивелирования огневого превосходства противника и экономия ресурсов. Он выиграл маленькую битву за доверие одного человека.

В следующие дни началась настоящая работа по внедрению. Алексей вызывал к себе командиров батальонов, инженеров и связистов поодиночке. Он не кричал. Он говорил тихо, но веско. — Ваши винтовки заклинивает? Вот чертежи простого шомпола нового типа. Передайте их в мастерские. — Связь с ротами постоянно рвется? Забудьте о флажках и посыльных на открытой местности. Нам нужны полевые телефоны. Вот схема прокладки кабеля с защитой от обстрела. И найдите мне всех радистов в гарнизоне.

Он не говорил: «Я из будущего». Он говорил: «Я ваш генерал, и я знаю, как выиграть эту войну». Он апеллировал к их гордости, к их усталости от бесконечных поражений и к их здравому смыслу.

Самым сложным было общение со старшими офицерами штаба. Они были людьми старой закалки, верившими в штыковые атаки и непогрешимость вековых уставов. С ними Алексей действовал тоньше. — Генерал Чжан утверждает, что мы должны контратаковать на рассвете всеми силами? — спрашивал он своего начальника штаба во время вечернего совещания. — Безусловно, это смелый план. Но смелость без расчета — это глупость. Давайте просчитаем потери при лобовой атаке на их укрепленные позиции. Вот лист бумаги. Давайте вместе посчитаем, сколько солдат не дойдет до их окопов даже на сотню метров.

Он заставлял их думать вместе с ним. Он задавал вопросы, на которые у них не было ответов, а затем сам давал их, используя знания о баллистике и фортификации. Он не ломал их волю, а мягко направлял её в нужное русло.

Через неделю обороны Шанхая о генерале (в чьем теле был Алексей) заговорили с уважением. Его части несли самые низкие потери, его оборона была гибкой и непредсказуемой для японцев, а его приказы были пугающе логичны. Он завоевал репутацию жесткого, но невероятно умного тактика. Дверь в этот мир для него приоткрылась. Теперь предстояло распахнуть её настежь и начать менять не только тактику одного гарнизона, но и судьбу всей страны.

Защита Шанхая стала для Алексея, или как его теперь называли подчиненные, «Шанхайского тигра», грандиозным полевым экспериментом. Он не пытался внедрить технологии будущего в чистом виде — это было бы равносильно самоубийству из-за отсутствия промышленной базы. Он применял **принципы**. Принципы эшелонированной обороны, радиосвязи и подавления огневых точек.

Вместо того чтобы бросать людей в штыковые атаки на пулеметы, он превратил город в гигантскую ловушку. Используя память генерала, он знал каждый переулок, каждый подвал и чердак. Японские части, привыкшие к прямолинейной тактике, натывались на узлы сопротивления, которые по его приказу не пытались удержать до последнего солдата. Как только

противник втягивался в бой и тратил боеприпасы, отряд по подземным коммуникациям или через крыши отходил на следующую позицию, оставляя после себя мины-ловушки и снайперов. Японцы занимали пустые развалины, считая это победой, и несли потери от внезапных фланговых ударов.

Но главным его оружием стала информация. Алексей собрал всех радистов, которых смог найти, и создал первую в этом мире полноценную сеть боевого управления. Маленькие группы корректировщиков с мощными биноклями и примитивными радиостанциями (собранными из того, что было) выдвигались на нейтральную полосу. Они передавали координаты японских артиллерийских батарей прямо в штаб. Китайская артиллерия, которая раньше была вслепую, теперь вела прицельный контрбатарейный огонь. Это полностью сломало привычный ход сражения: японцы не могли безнаказанно утюжить город.

Именно в этот момент роль капитана Ли стала ключевой. Алексей быстро понял, что этот молодой офицер обладает редким сочетанием качеств: личной храбростью и холодным умом аналитика. Ли был идеальным связующим звеном между «безумными» идеями генерала и косностью старого штаба.

— Капитан Ли, — сказал ему Алексей однажды ночью, склонившись над картой при свете керосиновой лампы. — Мне нужно знать всё о системе водоснабжения под этим кварталом. Мне нужны планы канализации и все известные ходы. И мне нужны люди, которые не боятся замарать руки. Ли не задал ни одного лишнего вопроса. — Будет исполнено, господин генерал. Я лично возглавлю разведгруппу.

Через два дня у Алексея была подробная карта подземелий Шанхая. Это позволило ему перебрасывать целые взводы в тыл наступающим японским частям, заставляя их думать, что они окружены. Капитан Ли стал его глазами и ушами там, куда генерал не мог попасть лично.

Доверие росло с каждым успешным боем. Сначала это были мелкие поручения: «Ли, проверьте готовность укреплений на южной окраине». Затем задачи усложнились: «Возьмите роту ополченцев и удерживайте этот мост до темноты, имитируя присутствие целого батальона». А вскоре Алексей начал поручать ему самостоятельное планирование операций для небольших отрядов. Капитан Ли блестяще справлялся. Он научился думать как его генерал: не категориями «удержать позицию», а категориями «заставить противника потратить максимум ресурсов при минимальных наших потерях».

Параллельно с тактическими успехами Алексей проводил жесткую инвентаризацию всего, что находилось в его распоряжении. Картина была удручающей и лишь подтверждала его худшие опасения о технологическом разрыве.

Основной винтовкой была «Хуайхэ» — нелегальная копия немецкой *Mausер* 88. Оружие было неплохим для конца XIX века, но в 1932 году оно уже устарело. Главная проблема заключалась в качестве: из-за кустарного производства допуски были огромными, винтовки часто заклинивало из-за загрязнения или перегрева. Патронов разных калибров было множество, что превращало снабжение в логистический кошмар.

Тяжелых станковых пулеметов катастрофически не хватало. Те, что были (в основном копии «Максима»), были слишком тяжелыми для мобильной городской войны. Ручные пулеметы практически отсутствовали как класс.

Это была самая большая головная боль. Артиллерийский парк представлял собой настоящий музей под открытым небом: французские 75-мм пушки времен Франко-прусской войны соседствовали с японскими орудиями, захваченными в предыдущих конфликтах, и древними китайскими пушками. У каждого типа были свои боеприпасы, своя система прицеливания и свои поломки. Обучить расчеты работать со всем этим зоопарком было невозможно.

Как он уже убедился, связь была ахиллесовой пятой. Телефонные провода рвались при первом же обстреле, а посыльных снайперы снимали на раз-два.

Алексей начал решать проблемы системно. Он приказал собрать все винтовки одного калибра в отдельные роты, чтобы упростить снабжение патронами. Инженерам из мастерских он надиктовал чертежи простого, но эффективного шомпола и устройства для быстрой чистки затвора.

Но главное его требование касалось артиллерии. Он вызвал к себе командиров артиллерийских батарей и произнес речь, которая повергла их в шок: — Господа офицеры! Ваши пушки — это металлолом! Мы не будем пытаться заставить их стрелять точнее. Мы будем использовать их как пугало. Ваша задача — произвести как можно больше шума и дыма в одной точке. Японцы пошлют разведку узнать, что мы затеем? Отлично! Пока они смотрят туда, наша мобильная группа ударит им во фланг из пулеметов.

Он остановил бессмысленный расход снарядов на контрбатарейную стрельбу по каждой пушке противника и сосредоточил огонь всех орудий на одной приоритетной цели, создавая иллюзию мощного удара там, где его не было.

К концу месяца обороны Шанхая капитан Ли уже не просто передавал приказы. Он стал правой рукой генерала. Когда нужно было провести дерзкую ночную вылазку или проверить лояльность сомнительного командира батальона, Алексей отправлял Ли. — Капитан, — сказал он ему перед одной из таких миссий, протягивая сверток с чертежами новой мины нажимного действия (примитивной, но смертоносной), — это нужно передать командиру диверсионного отряда «Черные драконы». Объясните им принцип действия на месте. И... будьте осторожны. Вы единственный офицер здесь, кто понимает мои планы без лишних слов.

Ли лишь молча кивнул и растворился в ночной темноте Шанхая. Алексей смотрел ему вслед и понимал: чтобы выиграть большую войну за будущее Китая, ему понадобятся сотни таких капитанов Ли — умных, преданных и готовых учиться новому миру войны.

Шанхай, с его плотной застройкой, узкими улочками и бесчисленными подворотнями, был идеальным полигоном для минной войны. Алексей, обладая инженерным складом ума, не стал изобретать сложные фугасы. Он пошел по пути максимальной простоты и эффективности, используя подручные материалы. Его целью было не столько убить, сколько замедлить, деморализовать и заставить противника действовать предсказуемо.

«Шанхайский сюрприз» (противопехотная мина нажимного действия): Это была основа его тактики. В примитивных мастерских по его эскизам начали массово изготавливать корпуса из чугуна или толстого железа. В качестве взрывчатого вещества использовали всё, что было под рукой: от трофейного японского тротила до местного динамита. Но главной частью был взрыватель. Алексей вспомнил и адаптировал простейший нажимной механизм, который было легко производить. Эти мины устанавливались на вероятных маршрутах продвижения японских патрулей: в мусоре, под телами павших лошадей, в дверных проемах заброшенных домов. Они не столько уничтожали живую силу, сколько превращали каждый шаг по городу в лотерею со смертью.

«Консервная банка» (растяжка): Самый простой и дешевый тип мины. Любая граната или самодельная бомба с привязанной к кольцу веревкой, натянутой на уровне колена или груди в дверном проеме или переулке. Эффективность была колоссальной против солдат, которые привыкли идти вперед, глядя на крыши и окна, но не под ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.